

Андрей
ЦУХЛОВ

Бочонок
разнотравья

Андрей Цухлов

БОЧОНОК РАЗНОТРАВЬЯ

Издатель Качалин А.В.

Ульяновск

2024

ББК 84(2Рос=Рус)6-5
УДК 82
Ц90

Цухлов, Андрей.

Ц90 Бочонок разнотравья: Стихотворения / А.Ю. Цухлов. – Ульяновск: Издатель Качалин Александр Васильевич, 2024. – 142 с.

ISBN 978-5-6052806-7-5

«Бочонок разнотравья» – очередной поэтический сборник Андрея Цухлова.

«Органолептика» книги – образное отражение мироздания через вкусы, звуки, запахи, виды. Отдельная часть – стихи-рецепты напитков, однако они неточны, поэтому оставляют простор для читательского сотворчества.

ББК 84(2Рос=Рус)6-5
УДК 82

ISBN 978-5-6052806-7-5

16+

© Цухлов А.Ю., текст, 2024

Все права защищены

Крафтовые произведения многолетней выдержки, без ГМО, красителей, ароматизаторов и свободные от искусственного интеллекта.

Сделано на частной стиховарне с использованием жизненных впечатлений. Употреблять при комнатной температуре, не залпом, предпочтительно в тишине.

Все образы субъективны, специи метафор добавлены исключительно по вкусу.

По вопросам качества обращаться к автору.

Цухлов Андрей Юрьевич, автор поэтических сборников «Четверговый дождь», «После четвергового дождя», «Сверчок и поезд», книги прозы и стихов «Рожь во спасение» (под псевдонимом «Миша Сланцев»).

Член Союза писателей России.

Бокалы, как вокалы, пусть зазвучат хрустально,
и стая рыб сушеных да заплывет сюда!
А вдруг они с икоркой? Мы блюдо им подставим,
и в этот миг нам пиво милее, чем вода.
Чехонь – такое слово, на Чехию похоже,
и солодовых вкусов раскроется букет.
Пропасть еще успеем, успеем «вон из кожи»,
дел якобы полезных затеять винегрет.
Все будет «хорошечно», почти что по-рекламьи,
луга, деревни, речки, дороги, городки,
колеса, крылья, в общем – сплошное внеэкранье.
И на подъем с диванов да будем мы легки!
Поколесим, надеюсь, по разным забугорьям:
деревья там другие, другие облака.
Ну а пока – родные дома и территории,
пока давайте здешнего, плотного пивка.
Да что там будет завтра? Неясен путь, неведом.
И почему «поляной» зовут накрытый стол?
Друзья мои, попробуем, как говорят, «процведам»,
в селеньях седовласых в Ульяновской «обл.».
Слетелись на бочонок, как мотыльки на лампу,
чтоб зачитать-озвучить строку, строку, строку.
Мы будем громогласно, а может, тихой сапой
во благо, на здоровье... Товарищ, по пивку!

I.

Насекомые стихи,
зоостроки,
растительные вирши

ШМЕЛЬ

Ты деловит,
и летишь столь увесисто
с видом таким: мол, хлопчешь...

Шмель
меж цветами,
в заброшенной местности
самодоволен очень.

Новый цветок – новая цель.
Ты – представитель солнца
здесь полномочный.
Рыльце в пыльце...
Трезвонь в колокольца!
Витай же над травами сочными!

Шмель, прицветайся,
жужливый и добрый!
Увалень ты неспешный
в буйстве лугов позднемайских...

Злятся, з-завидуют осы и оводы,
клещи затаенные, шершни...

Ну да и бог с ними,
главное, чтобы всё
благоухало и благо-ухало,
дурманя и веселя...

Как бы хотелось, особенно
будучи, в общем-то, мухой,
мир ощутить
сердцем и взором шмеля...

ЗАСТЕКОЛЬЕ

Муха бьётся о стекло.
Видно, ей не повезло.
Бьётся муха головой.
Перспективы – никакой...
Как же так? Летишь-летишь,
натыкаешься – и шиш?!
Всё понятно и прозрачно,
вдруг – такая незадача.
Как уж тут не зажужжишь?
Смысл – в движенье! В крыльях – жизнь!
Лишь жужжать-брюзжать сидеть –
это ж можно ошизеть!
Вот же – близкое до боли –
иномирье, застеколье!
А за грань возможно только
дихлофосом, мухобойкой...
Что там будет? Тьма? Забвенье?
Вот и все стихотворенье.

МУРАВЕЙ

Таких, как ты – миллионы.
Ты – словно песчинка в бархане.
Живешь ты по расписанию
в шевелящейся пирамиде.
Слабо погулять по лесу,
а не бежать озадаченно?
Слабо посидеть, подумать,
взирая на луч закатный?..
Куда там! Опять вызывают
на заготовку бабочек,
личинок, хвоинок, травинок
и беспечных жучков.
Отбейся от коллектива!
Влезь, может, куда повыше,
уйди же куда подальше,
в какую-нибудь самоволку.
Не можешь?... Конечно, страшно.
Но как они все достали,
как же настоиграли
своей беготней, беготней!..

БОЖЬЯ КОРОВКА

Что сердце терзать? – Дерзай!
Дерзи всем бескрылым, кто в тапочках.
Вчера еще лета не было,
а завтра не будет оно.
Да, не комар я и не стрекоза,
не легковесная бабочка.
Ладно.
Стартую.
С богом!
А хорошо же быть божьей –
коровой, коровкой ли.
Цветок за цветком, листок за листком – менять
взлетно-посадочные площадки,
курсировать ловко.
А может быть, неуклюже – в любом порядке.
Пахнет, цветет земля!
Тлен на земле и тля!
И да поможет мне заговор детский
про синее небо!
Вот и взлечу с ладони,

мне ли впустую икарствовать?
И вознесу свои пятнышки – целых семь штук.
Божья букашка, важно-валяжно
я над душистым полем
сделаю
круг.
Не торопиться! Не торопиться!
Но на глаза
не попасться
птицам.
Путь – он у каждого свой,
у мухи, конечно, мушиный.
У этих, двуногих, – причудлив:
он машинально-машинный,
у трав – мелкотравчатый,
в нору норовит вон та мышь...
Медом воздух намазан.
Как он манящ, неизведан!
Где начинается небо?
Думаю, сразу –
немедленно,
тут же, –
как только взлетишь.

ПЧЕЛА И МУХА

(какбыбасня)

На самом деле никогда, за всю историю,
их не пересекались траектории.
Но в силу всяческих природных аномалий
присели рядышком. Наверное, устали.
Взглянули друг на дружку насекомо...
Пчела спросила:
– Как дела, как дома?
И муха ей ответила сурово:
– Дела? Дела – они у прокурора.
Что б я маралась всяческой работой?
Не вижу смысла. Да и неохота.
Что б ты ни делал – будет все одно.
Наш мир – оно. Унылое оно.
– Но, милочка, а вас не напрягает,
что вы грязны и что от вас воняет?
Мне кажется, что если посижу
подольше здесь – то мухой зажужжу
и всё увижу через дермопризму,
мушиному предавшись пессимизму.
Но есть же луг, цветы, прополис, мед...

– Пока на это кто-то не насрёт.
Вот ты чуть свет – уже летишь, таскаешь
нектар, а через месяц помираешь,
себя поистрепав. И то не диво,
никто тебе не скажет: «Вот спасибо!»
Ни пенсии, ни льгот, ни уваженья.
К чему в итоге всё пчелокруженье?
Вся жизнь твоя – убогая задача:
лишь только от цветка к цветку хреначить.
– Ну что ж, похоже, нам не по пути...
– Ну так лети себе и не бухти.
И вновь пчела на разнотравье мчится,
к зловонной свалке – муха, чтобы злиться.
И липнет к мухе грязь ежеминутно.
И снова муху ждет её компьютер.
Строчит она и постит новый высер,
и высер рассыпает, яко бисер.
Вот перспектива краха мироздания:
вдруг да найдут взаимопониманье.
Ползет муха в мед, пчела слетит на труп...
Как хорошо, что не сдружились вдруг!
...Морали нет здесь. Разве что совет:
мух отделяй от пчел и от котлет.

ГИМН ПЧЕЛОВЕЧЕСТВУ

Раскиньтесь скатертью, поля, луга и рощи, суходолы!
Здесь наши улики стоят, а в них снуют трудяги-пчелы!

И в рамках их не удержать, летите дальше, за заборы!
Обворожительно жужжа, летите, чтобы медосборить!

Нам чужды рейтинг и процент, столбцы, отчеты и
контрольки.
Цветите, донник, эспарцет, подсолнух, липа и не только!

И взятку нам – ни дать, ни взять! Ведь нас интересует
взяток!
Рожденных ползать и летать немало, и среди них –
порядок.

Над нами командиров нет. Нелеп помпезных лестниц
мрамор.
Ведь наш куратор – солнца свет. Помощники – цветы и
травы.

И мы добудем мед-янтарь. Лекарство, лакомство, награду.
Сейчас воскурится дымарь и ровно закадит, как надо.

В двунитку облачись-ка, брат, пусть даже с пчелами ты
дружен.

Здесь дыманись! И аромат от воска – знак начала службы.

И пусть в вонючих городах истерика с гордыней правят.
А здесь – спокойствие в умах, здесь небо, воздух,
разнотравье.

Не жаль, что жалятся порой. Благословен наш труд
негромкий.
Скрипит, вращаясь, шар земной, как старенькая
медогонка.

Пусть жены чуточку ворчат и телек лает до икоты.
Но матки тут растят пчелят, и сладко, сладко спеют соты.

Спасется пасечник пчелой. Мы не чиновники, не трутни.
Поймаем рой, бездомный рой, его посадим в улей утром.

Порою надо отдыхать от яндексов и википедий
и просто пасекой дышать, облизываясь, как медведи.

И если спросит кто-нибудь: «К чему возня, к чему
забота?»
Ответим, не вскрывая суть: «Как вам сказать... Медку
охота!».

КОШКОКОРМ

(Посвящено случаю в аэропорту Владивостока в декабре 2014 года. Написано до того, как стало известно, что это был не кот, а кошка)

Проблемы, нервы, на душе паскудно.
А в новостях – дефолт и гей-парад.
И каждый божий день – как судный:
кто свыше – судит, сниже – виноват.

И как бы тьмой декабрьской стреножен...
Но средь рекламы, горя, нечистот,
чуть-чуть на солнце рыжее похожий,
явился этот – лучший в мире – кот.

Владивосток. Аэропорт. Прилавок.
Кто столько здесь колбасок разложил?!
Усатость наглой морды, мягкость лапок,
хвостатый безбилетный пассажир.

Здесь осьминоги, рыбка, там – кальмары
и всякая зернистая икра.

Крепитесь, продавцы, но это правда:
кот просто не позавтракал с утра.

Он в жизни натерпелся, настрадался,
мерз в подворотнях, жутко голодал.
Гоняли псы его, и он пугался,
чуть было под колеса не попал.

Не жаловали кошки-вертихвостки.
Никто не гладил. Кто-то даже пнул.
И вот аэропорт владивостокский:
закуски – море! Он в него нырнул.

И значит, счастье – есть. И есть немало.
И он вонзал клыки судьбе назло.
Его Россия сразу поддержала.
Ну хоть коту по полной повезло!

И где теперь котяра ходит-бродит?
Среди помоек? По цепи золотой?

Ведь если ты по-крупному нашкодил,
то не преступник ты, а сверхгерой.

Пусть дни бегут то вкрадчиво, то прытко.
Но не забыть, друзья, момент один:
когда его чеширская улыбка
внезапно растопила «лед витрин».

ОДИНОКИЙ ДЖОРДЖ

Тяжелая поступь. Ни страсти, ни страха.
Куда торопиться? Нелепый вопрос...
Последняя древняя черепаха
сегодня погибла на Галапагосах.

Хоть панцирь массивный и твердый очень,
но от людей защитить разве может?
Они, твоих перебив сородичей,
прозвали тебя Одиноким Джорджем.

Вновь солнца монета вкатилась в копилку.
В архиве закатов опять пополнение.
Вверху самолет загибает закрылки,
и от него – многоточие в небе.

Уже черепаха не дышит столетняя,
одна в своем роде, одна в своем виде.
Дразнили «слоновой» её, и при этом
она, хоть в беде, но отнюдь не в обиде.

В России же – холод, а ночи длиннее.
Здесь не черепаховый суп – тут крошка.
У нас кто кого и когда пожалеет?
И сколько среди нас одиноких джорджей...

Но как представишь... На острове дальнем
застыла рептилия бесповоротно.
И волны привычно минуты считают.
И пальмы прощаются с чудо-животным...

ЗВЕЗДОМОРЬЕ

1.

...А кстати, чем не вариант:
прожить морской звездой.
Без ранних пробуждений, трат.
И быть всегда собой.

Звездить тихонько среди мальков,
в кораллах ночевать,
и устремляться далеко,
и звезд других встречать.

Мне сколько? Двадцать? Пятьдесят?
Не помню, сколько лет.
Плыву куда глаза глядят,
пусть даже их и нет.

Снует в заботах нервный скат,
так прямо и искрит!
Планктон роится, он не рад:
грядет начальство – кит.

На службу устремилась сельдь,
на нерест, может быть.
На сельдь не хочется смотреть, –
несчастливая, увы.

Вон рыба-черт и рыба-еж,
у каждой, глянь, – свой яд.
Здесь ты всегда кого-то жрёшь,
и кто-то жрёт тебя.

2.

Сколь ни рассматривай меня,
ты не увидишь рожу.
Подвид: какая-то фигня
отряда иглокожих.

И вьются хищники вокруг,
всегда им кушать надо.
Тут нет друзей, тут нет подруг,
одни морские гады.

В сеть попадешь, в кафе потом –
другой сценарий жуткий.
И будешь подан ты с вином.
Мы ж кто? – Морепродукты!

Когда в кастрюле, ты – шути,
барахтаясь в бульоне.
С сарказмом так: здесь жизнь кипит!
Вдобавок и не тонет!

Ты есть в меню. Играет блюз.
Журчат, журчат напитки.
«У вас, ей-ей, отличный вкус!».
Гурман втыкает вилку.

3.
Всплываю я под небеса
к мерцающей родне.
В тиши я слышу голоса,
поющие во мне.

А иногда раздастся всплеск,
встревожится вода.
То шлепнулась опять с небес
никчемная звезда.

Найду упавшую сестру,
хотя вокруг – ни зги.
Но шутка зла, напрасен труд:
звезда-то из фольги.

4.

Сидит пузатый осьминог,
по дну глазами шарит,
играет хмуро в домино,
ну задница с ушами.

Все бесит, раздражает, злит,
ведь мимо столь некстати,
так крутобедро вдаль скользит
компашка каракатиц.

Я не хочу рассудку внять,
а зря, ведь шторм неожиданный
возьмет и выплюнет меня
на берег океана.

А там уже как повезёт:
иль высохнуть на солнце,
или мальчишка подберёт,
швырнет к единоморцам.

Корабль тащится, упрям.
А может, он мне снится.
Его сережкам-якорям
здесь негде зацепиться.

Луна ему ориентир,
её усмешка, поза.
И он не всхлипнет, ведь весь мир
и так солено-слезный.

Пусть звезданутый образ мой
ничуть вас не тревожит.

Несложно быть морской звездой,
а вот небесной – сложно.

К чему других менять, себя.
Противно мне геройство.
Вращаюсь шестеренкой я
в часах мироустройства.

Мне неохота твердо знать,
зачем, к чему я, где я?
Я чья-то мысль, я чья-то страсть,
я астероида.

Как пафосно! При всем при том
я мыслю очень узко:
весь мир – вода, коралл – мой дом,
и устрица – закуска.

ТИМОФЕЙ

Сидит под кормушкой для птиц.
Нахохлился.
Ждёт.
Апрельствует мир, апрельствует...
Казалось бы, он бездействует,
серый упитанный кот.
Его ещё Тимкой зовет
девчонка с пухлыми щёчками.
Игручая, бойкая очень.
Многоэтажка, проснувшийся двор.
У Тимофея – весенний дозор.
Что там по кошкам? По талым снегам?
Травка пробилась? Как здесь и как там?
Он навалиет окрестным котам!
Солнышком глажен, обласкан, пригрет.
Он по пернатым – серьёзный эксперт.
Где ж опрометчивость птички?
Зёрнышки тут – преотличные.
Он неподвижен, сей кот.
Как манекен. Натюрморг.

Чует её за версту...
Он поутру на посту.
Вот и постится: ждёт свою птицу.
Ну как не взмолиться:
хватит таиться,
птица-синица,
явись поскорей!
Он, терпеливый, смотрит пытливо,
кот Тимофей.
...Эх, вот побыть бы котом!
Да некогда всё.
Всё – потом, потом...

***

Налетела орда воробьиная
на весенний округлый куст
так, что встали все ветки дыбом!
Ах, о чем только думает он?
Его мысли хлопают крыльями,
его мысли щекочут клювами...
Словно волжского ветра порыв –

стайка снова помчалась дальше,
куст лохматый оставив в тиши...

Так бывает: слетятся они
и тебе не дают покоя.

Но обдумать их не успеешь.

И стоишь, шелестишь, как дурак,
и рассеянно ищешь расческу...

И тоскуешь по тем воробьям.

***

Росла гора веками и эпохами
и стала неприступно-грандиозной,
чтоб ею восхищались мы и охали,
неподалёку копошась навозно.

И потому так хочется вскарабкаться...
И ты взбираешься, ведомый сердцем.
Чтобхватило дух, чтоб стало радостно,
чтоб с высоты спокойно оглядеться.

Внизу людишки мирно насекомятся,
свой социум лелея муравьиный,
ругаются, спешат, снуют, знакомятся...
А ты, как будто Будда, – на вершине.

Но с каждой минутой все скучнее...
А как же быть с «мятежный, просит бури»?!
Сидишь не при делах, почти на небе,
и выпить не с кем здесь, на верхотуре...

***

Редющий лес (ибо доски нужны и дрова).
И вянущая трава, как седеющая шевелюра.
Небо поделено птицами на сектора.
Был здесь когда-то юрский период де-юре.

Где-то неподалеку скитаются кабаны,
странники леса, ждущие ночи, как одеяла.
Ваши глаза такие, страхи в них все видны,
а пяточки – монеты, которых мало.

А под ногами шуршит листва, вновь шуршит листва.
Воздух, которым нельзя надышаться впрок.
Сырость, как милость, сентябрьский мыслепад.
Царапины тропок и раны лесных дорог.

Выпутаться из глобальной сети... Паутинки блестят.
Остановиться, перекусить, оглядеться, передохнуть.
Группа древесных грибов, как тарелки инопланетян,
пришвартовалась к березе, закончив путь.

***

Дебри увиты ловцами снов.
Мошкам – не позавидуешь.
Ведьмины хороводы грибов:
грузди, белянки, рыжики.
Солнце, как волейбольный мяч,
перелетает над рощей.
И листодрожье уже не унять,
дуб в беспокойстве всклокочен.
Он побледнел (а был зелен и юн),
горб, на коре – морщины.
«Эх, и давно ль тут резвился июнь,
яркий, цветной и шмелиный?»
Внемля ему, все деревья вокруг
вдруг сентябрем заболели.
Лес продолжает грибную игру:
опята, волнушки, белые.
Мухи попались в невидимый плен:
вялые мухи, как духи.
Скоро отыщется белый плед,
веток укроет рухлядь,
чтобы под снегом спалось теплой,

мачтовой и мечтовой.

Клинопись птиц, алфавиты зверей –

будут следы в частоколье...

Вот и пора. Ждут наливка и чай.

Прочь из лесного пространства!

Если задремлешь тут невзначай –
можно навек потеряться.

Можно попасть в эфемерность сетей,
паук терпелив и прикормлен.

Вцепятся в горло пальцы ветвей,
а ноги повяжут корни.

Воздух со вкусом взрослой тоски.

Лес – деревянный митинг.

Как же невидимы, как легки,
как паутинны нити!

Мягко, из ниоткуда возник
шелест сухой и сонный...

Бродит по лесу с корзинкой грибник,
осенью осененный.

***

... Мысль-стрекоза – в окно. Большая.
Но – ни бельмеса.
И вновь машина проезжает
вдоль леса.

Рукой подать... А что же там-то?
Воображение:
лисиц, ежей, ужей с утра
телодвижение.

Расположение деревьев –
не по линейке.
Пойти бы и набрать орехов,
баннх веничков.

Кто в нём живет и что жуёт
в лесу загадочном?
Кто там поет, бежит, ползет?
Заманчиво!

Сбег муравьиный, птичий слет.
Ну, здравствуй, дерево.
Нетрудно будет там во всё
уверовать.

Везде пульсируют, стучат
сердца древесные.
Автомобили мимо мчат:
неинтересно им.

Уйти с маршрута, хоть раз в год
собраться с духом...
Но дворник капельки смахнет
на лобовухе.

КРАПИВА

Она так юна и пушиста
и так витаминно сочна.
И первые, яркие листья,
к солнышку тянет она.
Бывало, что часто спасала
от голода сельских людей:
в лепешки она попадала,
в безмясье похлебок и щей.
И маялись в мае. Нечасто
делились унынием вслух.
И соловьиное счастье
звучало с распевом лягух.
...Крапива росла, матерела,
шипела шипами и жгла.
Ругали ее оголтело,
когда хорошо посытнело:
никчемна, навязчива, зла.
Крапива смотрела ревниво.
Колюч ее старческий вздох...
Как быстро округа забыла
тепло тех весенних листков!

ДАЧНОЕ

В яблоках сок закатов,
в яблоках сок восходов.
Трели и свист пернатых,
летних дождей немного.
Люди плоды вкушают
просто или в шарлотке.
Ветер не дуть решает,
ветер уснул на сотках.
Августовская зрелость.
Яблоковая прелесть.
Грузно ворона уселась,
держится еле-еле.
Вкусно лимонно-мятный
чай ароматит воздух.
Буду такой занятный,
лягу сегодня поздно.
Каждой звезде пришилаю
свой инвентарный номер.
Да, не Марсель, не Севилья.
Хватит европ. Гейм овер.

А на дровах вишнёвых
будет шашлык в три шпажки.

Птицы, скажите, клёво
здесь или нет, (мне важно)?

Лучше дышать свободно,
а суета – заразна.

Буду енотоподобным,
буду ежеобразным.

Буду грушелюбивым
и сливославным буду.

Лейся, песня и пиво!

И – осушись, посуда.

Много ли надо для счастья?

Лето не канет в Лету.

Нету на свете начальства.

И телевизора нету.

ФИКУС

Он долго живёт. Никуда не торопится.
Листьями шевелит.
Важный предмет деловитого офиса:
зелен, ухожен, полит.
Он, сволочь, растёт. Шелестящие ксероксы.
Воды освежающей прыск.
Воля стреножена, стрижены волосы.
Душ перетреск, переписк.
Птицы сидят, ведь своё отлетали,
птицы-секретари.
Пенсии ждут, но дождутся едва ли.
Фикус среди них стоит.
Встречает он вечер, встречает он утро,
крепнет из года в год.
И вот он уж дерево, статный и крупный.
Фикус растёт и растёт.
Птицы клюют тут окладные крохи,
у них и артроз, и артрит.
Копчик отсижен, ахи и квохи –
птицы-секретари.

А фикус-то вымахал в три обхвата!
Долгий служебный срок.
Ему и пространство теперь маловато
и низок ему потолок.
И дальше, и выше, словно карьера!
Крышу пробил – в небеса.
Фикус зелёный в офисе сером.
Фигусов джунгли-леса!
Офисы, офисы, фикусы, факсы,
файлы, финансы, цифирь,
рейтинги акций, пик спекуляций –
вялотекущий цирк.
Делают вид, что работают птицы,
тьма лабиринтов ветвей...
Надо же, экая гадость приснится.
Надо на службу скорей!
Фух, прилетел! И, в бумажках порыскав,
в мыслях плююсь сгоряча.
Чем бы полить тебя, гребанный фикус,
чтоб на корню ты зачах?

УЛЬЕВЫЙ ВЕРЛИБР

Пчелы-буквы уже облепили рамки страниц.
В улье-книге для них приоткрыт леток.
Уж не тесно ль вам тут, в сотах строк?
Не холодно?
Продуктивны ли будете вы,
почитаемы?
Пчелы черные, пчелы черные
в рамках белых,
трутни и работяги.
А еще – расплод замысла, новых идей.
Где-то тут маскируется главное Слово – матка.
Изначальное, животворящее, смыслотворное.
Силу полета оно придает, формирует маршруты.
Сразу не обнаружишь, если будешь смотреть
поверхностно на пчелотекстуру.
Автор заглядывает под крышку,
под крышку-обложку:
хватит жалиться, умнички, все хорошо!
И пчелы роем задорным
вылетят – не поймаете.
Приходите в субботу на дегустацию меда.

II. Пять минут
до откровения

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖЬЕ

1.

Вот поезд, как китайская стена.
Неумолимый, мощный и длиннющий.
Осада началась. Ну, старина,
не ты ли в отпуск был вчера отпущен?

Мы одолеем эту цитадель.
Пусть окна смотрят хмуро, как бойницы.
Процесс прекрасен в поезде, – не цель.
Тележки, сумки, разговоры, лица.

Прощанья, слезы, суетный перрон.
С хвоста иль с головы – не в этом дело.
Еще чуть-чуть – и попадём в вагон.
Ещё немного – тронемся, поедем.

Мы лечимся дорогой и дождём,
а в рюкзакишках – сало с самогоном.
Билетообладатели, – идём!
Вольёмся в пустоватые вагоны.

«Ваш паспорт? Предъявите. Хорошо...»
Еще б не хорошо – пути начало.
И не беда, что день почти прошёл,
мы от печалей медленно отчалим.

Эх, железнодорожные слова...
Куда ты проведешь нас, проводница?
Начнись, колесный стук, едва-едва.
Потом все громче. В дали! За границы!

Расселись пассажиры по местам,
По полкам рассовались, будто книги.
Что не версталось, надо наверстать.
Что ускользало, надо бы настигнуть.

«До откровения осталось пять минут...»
Ослышался? А значимости сколько...
Пусть, как сюжет, построится маршрут.
Поехали! Чур, я на верхней полке!

2.

Усталый зверь дождя царапает стекло...
А в поезде – вполне себе уютно.
Всё в расписании маршрутно-поминутно.

Прибудем вовремя, кто в город, кто в село.
Звезь мягко мчит за поездом, и внутрь
желает заскочить, – но нет, не может.
Снаружи – холодно, уныние и хмурь.
Состав дрожит железно и дорожно.
Историй мимолетных много здесь,
они витают меж столов и полок.
Один, гляди, уже раскрылся весь.
Другой – скромняга, едет втихомолку.
А кто разоткровенничался, тот
плетет повествование, плетёт,
он, как паук для мошек ротозейных.
Он паутинно свой сюжет затеял:
заинтригует, увлечет, и – оба-на –
сойдет на самом интересном месте...
Себя на белой ниточке повесив,
пакетик окунается в стакан.
И запах снеди шляется и вьётся.
Чего везешь, не много ли вещей ли?
Не тормознётся поезд, не вернётся.
И хлопают у туалета двери.
А там, за окнами, опять плывут дома
медлительно, как рыбы в водоеме.

Меняются структуры и объемы.
Взирать на всё и не сойти с ума.
А кто-то видит с птичьего полета,
что поезд – гусеница, он едва ползёт...
Да превратись ты в бабочку, и всё!
Лети! И рельсы – не твоя забота!
Людишки, люди, людищи, людята.
Жуют, молчат, и снова говорят.
Мужчины попивают втихаря,
и вид у них взъерошенно-помятый.
И смотрит девушка-мечтунья грустно.
Вот любопытный ходит карапуз,
таща на попе непустой подгузник
и тычет пухлым пальчиком в арбуз...
Сколь миловидна эта проводница.
Есть кипяточек? Кончился? Вот новость!
О чем бы у неё осведомиться?
В чем путеводность, путность, непутевость?
Мы все приедем, поздно или рано,
лишь отведи безумца от стоп-крана...
Пункт назначения важен иль финал?
Как не проспать, не проскочить вокзал?
... А зверь дождя хвостом уж завилял...

ПОДНЕБЕСНОЕ

Ну вот – пристегнуты ремни.
Они – как детские объятья.
Ты только верь – спасут они.
И – с Богом! Мы уже на старте.

Разгон! Отрыв! Штурмуем высь!
Немного уши заложило.
Мы над землею вознеслись.
Поля – заплаты, речки – жилы.

Восторг, восторг. Чуть-чуть и страх.
Предвосхищение. И после –
не самолетных крыл размах,
а рук моих широкий росплеск!

Уж стал не город – городок,
а лес – леском, затем – лесишком.
До взлёта кто представить мог,
что мир микроскопичен слишком?!

Не хватит суффиксов на всё,
чтоб уменьшали и ласкали.
Так высоко нас вознесёт!
И мы уже за облаками.

Теперь мы выше гор любых.
На десять тысяч метров – к солнцу.
И вдох в груди остался. Бы-
стрее всех машин несёмся.

А тучки? В каждой образ свой.
Кого вон та напоминает?
Лягушку? Птицу? Блин с икрой?
Или вон те – пельменей стаю?

И лишь на этой высоте –
не вспоминать о всяком вздоре.
Здесь просто хочется лететь,
а это – дорогого стоит.

Кому десятку одолжил,
там, на земле? Что там с отчетом?

Небесный путь заморозил.
Здесь как-то всё равно – чего там.

Вот атмосфера – как вода,
прозрачна. Облачка, как льдины.
О чем мы думаем всегда?
На небесах и вспомнить стыдно.

Да, дефицит глубин-высот.
Иных пространств побольше б надо!
Ужель не чудо: самолет?!
И этот взгляд, – в иллюминатор?

О, беззащитная Земля!
Одна на тысячу вселенных.
А кто, если подумать, – я?
Лишь искра, пролечу мгновенно.

Ой, вроде как заснул чуток...
Зайти щас в интернетец мне бы...
А принесут бесплатный сок?
... Привыкнуть можно даже к небу.

ЗАГРАННИК МОЙ, ВИДАВШИЙ ВИЗЫ

Почти законсервирован в себе,
закостенел, всегда одно и то же...
Вот мой удел – воз бесполезных дел.
Но в паспорте – знакомая мне рожа.

Его достать приятно из штанин
и поздним вечером, и днем, и утром ранним.
С ним мир доступен и неповторим.
Он просто называется – заграник.

Печати не люблю, но эти – да.
И визы, визы, визы, будто марки.
В нем самолеты, сумки, поезда.
Потрепанный такой, немного маркий.

На той страничке след оставил чех,
на этой вот француз, а здесь – испанец.
Хочу объехать всё, увидеть всех.
И пусть клейма уж негде будет ставить.

Нельзя, как птица, взять и полететь,
как вольный сокол, неучтенный ворон.
Ты в базах есть, во всех системах есть,
зарегистрирован, изучен, оцифрован.

Ступаю робко, словно есть вина.
И пограничник смотрит так пытливо.
– Какая цель приезда в наш страна?
– Гулять, глазеть, купаться, выпить пива.

Шлеп-шлеп – прекрасный штампик, добрый звук.
И вот одной границей стало меньше.
И Родиной моей повеет вдруг
с названьем гордым – «Russian Federation».

Читайте, но завидовать... Друзья!
Вы знаете, как счастьем распирает,
когда летишь в далекие края?
Я вновь прошу: оформите загранник!

***

Дождь с утра беспросветно льет...
Что ж такая действительность серая?
Окрыли меня, самолет.
Ждет меня не дождется Сербия.

Разве зонт защитит от хандры?
От того, что кислые лица?
Надо, что ли, окно прикрыть.
Здесь дождится – не надождится.

Пусть вскипит молчаливый чайник!
Пусть солидной взиграют басы!
Надоело всё чрезвычайно.
Сяду, буду растить усы.

А как только они отрастут,
прояснится и вид окошковый.
И туда, где меня, может, ждут,
полечу, буду гостем прошеным.

Окрыли меня, самолет!
Задери-ка мой нос, да повыше!
В небесах пусть произойдет
встреча с солнцем, весёлым и рыжим!

Фига, выскочи из кармана!
Может, хватит таиться внутри?!
Будь сурова, как дуло нагана,
если зона – то дьюти фри!

А пока подождем и потерпим,
у конвейера дней перекурим.
И назло этой осени-стерве
пальцы спляшут на клавиатуре.

А там – чем гороскоп не шутит? –
облегченно вздохнется: «Выжили...»
И стыковка стаканчиков будет
с удивительным словом «Живели!».

ДОЛГО, ИЗДАЛЕКА

Смотри-ка, плывет бутылка, похоже, издалека.
И, видимо, долго, как поется в известной песне.
Содержимое выпито. Где та рука,
что беспечно выбросила ее, в каком это было
месте?

У Калязина, где символ потопа и горя
часовней впился в кровоточащие небеса?
У Ярославля иль Плеса? С каких территорий?
И волны, и всплески, и брызги, что божья роса.

Бутылка пуста. Нету в ней никакого послания
от предков – к потомкам, а также с верховий – к
низам.

Водохранилища непостижимо бескрайние.
Цветуще-гниющее море «сосет глаза».

И как расшифровывать эту пустопорожность,
где автора ниочемности нам искать?

А может, и думать о том вообще негоже?
Была вот река, да сплыла, все, слова не трать.

Дорога конечна, дорога по имени Волга.
Рыбьи глазюки навывкате, воздуха нет.
Плывет, и плывет, и плывет, издалека долго
бутылка пустая
и поглощает
небесный свет.

ЗОЛОТАЯ РЫБКА

Он бухал и без спирта не мог ни дня,
его трясло, и башка, словно после молота.
С похмелья болел, и был, как свинья,
а после десятка глотков – разболтанным.

Глаза заливал, выжигал мозги
и этанол считал эталоном.
На пол плевал, не видел ни зги,
мычал, сквернословил снова.

Рвался из дома за новым «фанфуриком»,
продал часы, со стены их содрал.
Руку и ногу сломал. Тряс окурком.
Песни ревел, дурак.

Шел он по жизни, как по пустыне:
желание выпить, как пить – вселенная.
Ждал, когда сдохнет, потом остынет.
Он – человек-геморрой, человек-проблема.

... Взял он как-то старую удочку,
(не пропил, смотри-ка, вот, затерялась).
В один из дней надрывно-бермудных
пошел на рыбалку в джинсах дырявых.

Дрожащими пальцами червь насажен.
Как тот кривлялся и в муках корчился!
Что б ни трындели, рыбак он со стажем!
Эх, как чего-нибудь выудить хочется!

Тихо! Поклёвочка... Дергает поплавок.
Ну-ка...Подсечка! Карасик! Увесист!
И чешуя золотистая! Ок!
Он, словно сердце в ладони, – трепещет!

Волны рябят, поплавок все размытей.
Черви в клубочек сплелись обреченно.
Мало на свете достойных событий.
Карась златоспинный – радостно очень.

Как он вернулся – не помнил почти.
Кто же дороги придумал эти?!...

Выпить хочется в этой ночи.
«Надо улов хорошенько отметить».

Ну и как водится – из горла...
Глянь, а карась-то живой, паскуда.
Он шевелится, смотрит в глаза.
Рот раскрывает. Живой покуда.

В таз водички налил. Запустил золотую рыбёху.
Надо же, плавает. И подыхать не хочет.
Долго смотрели они друг на друга, им было плохо.
Выпьет горе-рыбак – и дальше бубнит-лопочет.

И тогда показалось, что рыба заговорила:
«Я исполню желанья, верну всё, что ты загубил».
«Вот ни хрена себе, кроет меня нехило».
Так он у таза сидел, с карасем говорил.

«Хочешь, – шамкая жабрами, молвил карась, –
будешь здоров, неседой, и жена обаятельная,
будет достаток, дело любимое, власть.
Власть – если надо, но это необязательно.

Будешь дышать полной грудью, не так, как рыбы, которых поймали, и они уже вне воды, жизнь полной чашей наполнится, без обид и тремора, злобы, похмелья, грязи, беды.

Хочешь – ты восхитишься рассветом волшебным, страны увидишь разные, горы, моря, вкусы, запахи, песни, друзья душевные...
Что вообще ты хочешь, живущий зря?»

«Что там про полную чашу?.. Сплавай за водкой. Сразу давай-ка ящик. А лучше два». В ответ промолчала рыба, вплеснула только. Зачем ей пустые пускать пузыри-слова?

Оба к утру уснули. Карась – навечно. Был он беспечен, а будет теперь испечён. Спал человек несбывшийся, бодрствовать – незачем. Сон был тяжёл. Но и сон тоже был ни о чем.

КОЛОДЕЦ-ЖУРАВЛЬ

К тебе вела тропа среди трав и ягод.
Девчонка ведра грузные держала.
Встречай в поклоне, журавель-трудяга,
спаси и утоли людскую жажду.

Подземный мир сокрытого журчания
холодных, вкусных и глубинных вод.
Поднимется вода и станет чаем,
преобразится в квас или компот.

Склонилось небо, птицами расшитое.
Дней и ночей угрюмый хоровод...
Вода, что кровь земли – не просто жидкость.
Не жидкость – жизнь, которая течёт.

Журавль-колодец, ты, клевавший недра,
ужель сковал тебя радикулит?
Девчонка та – старушка уж, наверно.
Ты сгорбился, оплёван и забыт.

Исчерпан ты, а мы-то всё с приколами.
Дома опустошились – не беда.
Пьём псевдопиво, тоник или колу.
Где ж чистая, исконная вода?

Со временем усохнув и увянув,
во сне я вижу, сдерживая дрожь,
как ты взлетел. И в клюве деревянном
в пугающую даль меня несёшь.

И вот болтаюсь, по-бараньи мекая.
Как много разных уголков земли!
Но опуститься, приземлиться – некуда,
ведь больше нигде жажду утолить.

***

Здесь версты, а не километры...

Валерий Кузнецов

Кто старое и доброе помянет,
тому я буду, как родному, рад.
Моя прапамять тут и там гуляет,
то жалобно скулит она, то лает
в другой системе мер, координат.

Ну что, казалось бы, скорбеть да ахать?
На свалку мусор, и иди вперед.
Как взять и позабыть все мигом, махом?
Противен рафинированный сахар.
Вкуснее во сто крат цветочный мед.

Скучны мне банка трехлитровая, «пол-литра».
Другое дело – четверть, полуштоф.
Ну разве водка мерзкая – напиток?
Раствор банальный из воды и спирта.
Вот хлебное вино – нектар богов.

Убийственен служебный распорядок.
А был же – годовой солнцеворот.
Вон дом бетонный вырастает рядом.
Но сколь красив особнячишко старый...
В сравненье с ним тот новый дом – урод.

Мне душно в душевой опять стоять.
Другое дело – в баньке, там отлично,
с пивком, с парком; и веничком хлестать,
и стресс, как будто грязь, рукой снимать,
от нервов – беды, от неврастеничек!

Пусть глотки рвут усердно телебесы
и болтуны-трещотки правят бал.
Мне нужно трехголосье русских песен,
от них я буду грустен, буду весел,
как в прошлых жизнях, видимо, бывал.

Отвратны мне гламурности столицы,
назойливой рекламы гадкий ор.
И так порою хочется напиться,
не в смысле «нахлобучиться», – водицы
из родника, не этой ашдвао...

Привычны имитации, подделки,
кожзам, синтетика и костная мука.
Ведь если пальмовое масло – welcome.
Направить бы часов обратно стрелки.
Сметаны б давней той, из молока!

Аршином общим мерить – нерезонно.
Сегодня единица – терабайт.
А люди – приложения к смартфонам.
«Иконки» в мониторах. А иконы
куда-то дальше, мимо нас глядят.

Забыл поэт и вспомнит уж едва ли,
зачем нужны бумага и перо.
Стихи, стихи... Когда-то их *писали*.
Теперь же нейросеть из слез, печали,
души, дождя, любви, судьбы, молчанья
в секунду все смастрячит будь здоров.

Эх, оседлать коня бы вороного!
И в неизвестность – сколько верст в пути,
и оплеухи ветра молодого...
На два вершка себя перерастить,
пуд соли съесть. И поле перейти.

ЯБЛОЧНЫЙ СПАС

Мы остались мыкаться (созвучно!).
Что ж, на то и лето, – зреть и зреть.
Мы – плоды, один другого лучше,
мы не в сетку угодили, – в Сеть.
Что же там, в покинутом реале?
Как давно гостил там, песни пел?
Отвыкали, долго отвыкали.
Пипл лайкал Гугл, юзал «Эппл».
Если вдруг ты вырвешься из плена:
ветер инспектирует сады,
собрались на всеосенний пленум
духи окружающей среды.
Яблони беременны плодами.
Падают, их звук – сердечный стук.
Катятся бильярдными шарами
по траве – зеленому сукну.
Некому на голову свалиться,
чтоб Ньютона осенило: «Ок!»
иль к ногам упасть – и со страницы
чтобы привкус яблочный от строк.
Их собрать бы, положить в корзину,

наварить варенья, может быть.
Чтоб в охотку, с чаем в холод зимний,
чтоб запомнить лето, сохранить.
Иль напечь шарлоток, да с корицей!
Сок, компот, вино... А пастила?
Яблоки в гусе, пусть он томится
у предновогоднего стола.
А они теперь лежат бесхозно.
Червяки пируют, им – уют.
Скоро заморозки, а потом морозы.
В дальних дачах яблоки гниют.
Среди яблок молодильных чахнешь,
из-под кожицы течет впустую страсть.
Пуля-жизнь одна, а ну-ка жажни!
Ты обязан в яблочко попасть!
Но не встретить Еву: рай беушный.
Плод познания, плод раздора, плод
мироздания, так бы все и скушал!
Вновь, как плод, упал-пропал и год.
Что же смотришь ты на них бессильно?
Что стоишь, как вкопанный осёл?
...И на карте-скатерти России –
яблоки когда-то сочных сёл.

МЕДОГОННОЕ

Ничто рождает нечто.
Из точки А до J.
Шуршат и что-то шепчут
медовые дожди.
Мир приторный и липкий
каледоскопит всласть.
Цветы в жаре поникли, –
пчела к ним понеслась.
Ведь мелкая причинка:
из-за и по любви,
чтоб пестик и тычинка
друг друга обрели.
Там в лепестковых точках
поля, луга и лес.
Скорей! Успеть! Ей срочно!
Летит по JPS.
Как барабан буддийский,
как юбка, как юла,
мед каруселит быстро.
Пчела, пчела, пчела...
Устал вращать?... Не молод.
Что лето, что сто лет?!
Из зноя – в темный холод.
Из точки J до Z.

***

С утра покажут нам в окне, что склизко под колесами.
Как в кинохронике, там непонятное, белёсое.
Машины, будто овцы, прут, да и столбы, как идолы.
И снег, как пудра хрусткая, ух, снега понасыпали!..
Деревья молчаливые, стоят, хитросплетенные.
Являясь миру ивами, березами и кленами.
И все запудрены кругом, и всё слегка припудрено.
Начинки разные, и дом пекарней смотрит утренней.
Снуют прохожие, снуют безмолвно-безыдейные.
Такое настроенье тут – задумчиво-глинтвейное.
И не ступать бы за порог. Вооружившись книжицей,
порезать апельсин и вот – вино нагреть с корицею.
И бодрость нарочитая с утра телеведущего...
Пусть носороги-грейдеры грядут в свое грядущее.
А пастырь кто машинных стад? Их фары – близорукие.
Зачем пространство ворошат вновь шинами упругими?
Куда зовешь, ведущий-лжец, из зазеркалья «ящика»?
Сегодня остаёмся здесь, сегодня – «день жестянщика».

22 ДЕКАБРЯ

Ночь не была такая уж полярная.
Но вот куда ни глянь – упадок сил.
И солнце крокодил лишь укусил,
раз проглотить не вышло. И упрямое
светило, скорчившись, собрав лучи в пучок,
упало и отжалось на востоке.
И встрепенулось всё, в чём были соки,
что не застыло и живет ещё.
Рептилия – она еще не раз
придёт сюда и пасть свою раззявит.
Куда деваться? Ждать её? Ну – щас!
Скачи, пока скакалку не отняли!
Оно спаслось, космическое сердце!
И грея, возродилось... Ты ж не глуп.
Свети, свети, пока твоя светлица теплится,
чтоб талисманом – крокодилий зуб!

***

Опечатки снов покрыли крыши,
чуть побудут, а потом сотрутся.
Из депо трамвай на воздух вышел,
рельсами затренькал: ун-ца, ун-ца.

Ветер камни вылизет до блеска.
Впечатлений высохнет картина.
Если провалиться – так уж с треском.
Если исчезать – неисследимо.

Так посмотришь – вроде всё нормально,
и как будто даже и неплохо.
Псы желают заслужить медальки.
Стены – в ожидании гороха.

То-то б на душе повеселело,
если б осы слов убрали жала,
если бы в карманах зазвенело,
если в кошельке бы зашуршало.

Только вот не слеplено, не сшито,
ничего такого, чтобы в радость.
К празднику – хоть новое корыто.
Рыбка-рыбка, ты не задолбалась?

Снег летит и тает втихомолку.
Дело-дело, и куда ж ты делось?
Вот уже в фойе воздвигли елку.
Это значит, мало что успелось...

ПО СЛЕДАМ

Под ногами снег хрустит,
приземляется, грустит,
сыплется с утра с размахом.
Он пошёл сегодня прахом.
Грязно-чёрные следы
сорок третьего размера,
этот кто-то тут, наверно,
поспешал, пуская дым.

Ну а вот, смотри, ещё,
хоть веди шагам учёт:
это – женский сапожок,
аккуратный след-стежок.
Кто же, кто же ты была,
зла была или мила?
От завистливых подруг
ты ушла на новый круг
по снежку, по снежку,
может, к новому дружку.

След, другой: она и он.
Влюблена. И он влюблен.
Было это, не было?
Снег – страница белая.
А вот след – ребёноквый:
быстрый, громкий, звонкий.
Вот серьезное авто
след оставило. Ого!
Хоть и не в истории.
Метит территорию.

А вот здесь была ворона,
снег крестила асинхронно:
«Крошки! Кровля! Караул!»
Не в полёт, – ушла в загул.
Здесь, – смотри, – кошачьи лапки,
лапки мерзнут, им бы тапки.
Им бы тёплые носочки.
Между прочим, зябко очень.

Есть ещё следы собачьи.
Эх, они резвятся, скачут,
радуются страшно.
Им-то что: домашние.
Ноги, лапы, сапоги...
Кто тут встал не с той ноги?
Кто по первоснегу
шёл, бродил и бегал?
Думал что, мечтал о ком?
Пробный снег и снежный ком.
Ненадолго? Не навек?
Комом, комом первый снег.

Плавится он на ладони.
Бродит он потусторонне.
Вводит зимние порядки.
Как на вкус? Осадки – сладки?
Сахар снега, снега пудра...
И кружит снежинка-дура,
и фигурна и кристальна.
Думает, что уникальна.
Этот снег когда растает?
А, синоптик его знает!
Мимолетно мельтешит.
Час прожит и день прожит.
Исследимость снежная.
Мы не будем прежними.
Меж деревьев – звук трамвайный.
Явное всё станет тайной.
Снег небесный, хрусткий, белый.
Завтра глянешь – нет его.
Рельсам это – параллельно.
Небу – фиолетово.

СНЕЖНАЯ ЗАРИСОВКА

Казалось бы, вулканов нет вокруг. Но налетело:
какой-то пепельный сюжет, заснеженный и серый.
Ворона – проследи за ней, – нелепая, смешная.
И машут ветви тополей, они припоминают,
слова, что были на листьях, которые опали,
слова, пропавшие в слезах – дождином карнавале.
Пустует парк, в нём тишина, а люди все в запарке.
И едут, едут кто куда горазды – иномарки.
И трактор, словно бегемот. Дорогу чистит щеткой,
она вращается, живот земли всю щекочет!
Ты на пути его не стой! Он сгрёб сугроб в охапку.
Вон памятник – давно в пальто, но холодно без шапки.
А вирус гриппа ищет плоть, – хоть он каплюшка-
точка! –
Ему б хоть чье-нибудь тепло, дыханье б чье-то, срочно.
Снег стекловатен. Недосып. И ветер гадкий, хлесткий.
И эти красные носы, и огоньки, и блёстки...

***

Пока ещё нет и следа
там, где пушистятся снега.
И пробираешься неловко
из снов уютных – на парковку.
Там наледь на стекле узорна,
неподотчетна, беспризорна.
И сонно повернув ключи,
мотором теплым поурчи,
и песню легкую включи,
вслед за позёмкою помчи.
И в колею, отринув страх,
вступают шины на шипах...
Впадает в череду дремот
пушистый круглый зимний кот.
Сидит довольный тёплый ком.
Снега любят кота котом.
Снега пушистятся, как кот.
И нет тревог, и нет забот.
Малыш и взрослый – каждый рад
лепить дородных снежных баб,

с холодным сердцем мужиков,
недолговечных и увечных,
но хладнокровных и беспечных.
Проходит съезд снеговиков:
уже насыпали вопросов.
Здесь каждый обсудить готов
проблемы снегопроизводства.
Пока банкет не начался
и похвальба длиной морковок,
простим им скомканность, печаль.
Снеговиковый век недолог.
Луна нахохлилась угрюмо.
Что мир дневной вне одеяла?
Звон колокольчиковый рюмок.
Уж Новый год и он же – Старый.
Висят игрушки, как сережки.
Лежат тарелки, вилки, ложки,
салаты, рыба без хвоста,
успели гости подустать.
Броди, употребив глинтвейн,
горячий, пряный и гвоздичный,

и ты не будешь апатичным,
не будет хворей атипичных,
никчёмных и бездарных дней.
Подножный хруст, вкругшейный шарф.
И празднично-привычный шарм.
Сегодня грусть тебя отпустит.
Как хороши, как свежи гуси!
Приправы, фрукты, ух, – еда!
Вкуснот пахучих чехарда.
И гороскопные скопленья,
погоды вьюгозавихренье...
Что там предскажут нам ещё?
Ты бодр и розовощёк.
Как хорошо, что иногда
вокруг пушистятся снега.

***

Солнца плавильная печь
раскочегарилась не на шутку.
Ярко, тепло, мегаваттно.
Кстати, о чем идёт речь?
Да, и куда течёт речь?
Непонятно.
Птицы – весенний призыв –
гвалтят, летят, ликуют.
Вновь постигают азы.
Я ж – ни в какую.
Речка устала, она затекла, ей тесно
в лёдожилете.
(В жизни всё так интересно,
как в Интернете).
Сбросила, разоблачилась,
по дню растеклась, по дну...
Откупорилось, алладинясь.
В бокале – янтарный «Чивас»,
лёд
хрустнул,
взгрустнув.

***

И прохожие – тоже, проезжие – тоже
растворяются лицами, куртками, кожей.
Город утром смакует латте тумана.
То, что прячется в нём, вдруг становится явным.
Задержавшись в реальности горстью минуток,
погостив в настоящем чуть-чуть почему-то,
и опять возвращается в белую известь,
в неизвестность и в дымку, как белка –
в ветвистость.
Неприкаянно солнце, хоть встало не поздно,
свысока наблюдает, пытаясь нервозно
к нам проникнуть, пробиться, прожечь...
Но напрасно.
А синоптик вангует, что всё будет ясно.

***

Дерево пуделем мокрым застыло у дома.
Дождь надоедливый, серый, сырой, монотонный.
Вот и сентябрь – растительность в лени и линьке.
Шерстка желтеет и ветви, как уши, поникли.
И тротуары лоснятся... И день потоптался
и вышел.

Здания зябко закутались в стены и крыши,
и у трамваев теперь аритмия, одышка.
Тяжеловесны они, неуклюжи и прямолинейны.
Пахнут пекарни, шашлычные, бары, кофейни.
А у причала скучают суденышки пустопорочно.
Тучное небо вздыхает о том, что уже невозможно.

***

Ты не готов ещё. Томишься поутру
кусочком мяса как бы на пару.
Лесной туман. Вне города прохлада.
Другого ничего пока не надо.
Всё стихло в ожидании крупы,
хотя она не сыплет до поры.
Потом и птицам можно порезвиться:
крупу склевать неспешно, по крупичам,
и на правах на птичьих – за границу,
клин клином вышибая, в Пизу, в Ниццу,

где кофе, соусы, креветки, паста, пицца,
где граппа, но охота не напиться,
а пряным сладким видом насладиться...
Здесь тоже гастрономный ряд немалый.
Под облаков пуховым одеялом
раскинулось кафе. И в нём, галантны,
снуют, снуют ветра-официанты.
«Чего изволите?» «Чтоб лето не кончалось
и безрассудство. Нет? Какая жалость!
Тогда нам принесите переборщ,
чтобы, пресытившись, почуять жизни мощь.
Да с перцем риска, радостью петрушки,
чтоб полной чашей, чтобы уж покушать!
Пить будем горькую слезу, звени, посуда!
Разнообразица – для нас, несите блюда».
А запахи осенние – отрада:
азарт грибов, гроздивость винограда.
Ну как тут не объесться белены,
надевши счастья полные штаны!
Уже не жарит солнце постоянно,
но корочка лесов вполне румяна.

Дуб величавый ветками поник.
Вокруг рецепты кулинарных книг
на сброшенных листьях неокрылённых,
пошагово шкворчащих приземлённо.
Да, дубовато, липо, даже клённо.
И эта клёнопись всё неопределённой,
ненужней, нереальной, листья-мусор.
«...Немного остудить. И снег по вкусу...».

ТЕХНИК - САН И ЗУБНАЯ ФЕЯ

Можно витать в эмпиреях, допустим,
и о политике рассуждать,
можно быть в тренде, в депрессии и дискуссии,
лайкать-дизлайкать, в соцсетях уныло брюзжа.
Но – до тех пор, пока камнем на землю из мира
квази,
за бесполезность свою не прощен:
это случился засор в унитазе,
и из него неприятность течет.

И наконец-то явился спаситель,
немногословен, конкретен причем.
«Что там у вас? Унитаз? Покажите!»
Мощно нисходит с волшебным ключом
на девятнадцать иль на семнадцать.
Не исключаю – на все двадцать пять!..
Это тебе не в носу ковыряться!
Это тебе не комменты писать!
Низкий поклон тебе, добрый сантехник,
за настоящий, за подлинный труд.

Ты зачищаешь какахи за этими,
руки у коих оттуда растут.

Кто вокруг начальника вьётся-старается
и микрофончик ладонью зажат?!
Пул журналистов, ждут информации,
напоминают клубочек ужат.
И в хороводе подобострастия
я среди них тоже, унынием туп.
Жизнь – она ярче, пахучей, зубастее,
реалистичнее, нежели тут.

Кстати, о скрежете тихом зубовном...
Как ни терпи, а идти в кабинет.
Вот, словно к креслу для пыток прикован.
Зуд бормашины. Блестит инструмент.
«Кем вы работаете?» «Просто житель...»
В блоге пишу... Масс-медийный проект...»
«Что там у вас? Где болит? Покажите!»
Рот нараспашку, в лицо – яркий свет.

Внутренний мир небогат и невзрачен:
пломба, прореха, здесь подлечить...
Зуб воссоздать – вот для феи задача.
Это тебе не релизы строчить!
Слава не мне, а такому народу!
Толку и смыслу – слава!..
Итог:
плюну в экран и уйду в пчеловоды,
золотом чтобы целебный медок!

ХОЛОДИЛЬНИК

Пусть я неуклюж и громоздок,
стою на маленьких ножках.
Я лишь хранитель морозов
и пищи насущной – тоже.

Я, как генерал, увешан
магнитиками-орденами.
За Прагу, за Крым, конечно.
Вновь отпуск не за горами.

Мое холодное сердце,
чувствую, скоро оттает.
Ещё бы: скрипучую дверцу
ладошка твоя открывает.

Я внутренне лучезарен.
Глазами твоими люблюсь.
Ой, чем только я ни затарен!
Бери же вкусняшку люблю!

Во мне есть сыры и колбаски,
и баночка есть с икрой.
Бутылка сухого красного.
Ну вот, я открыт пред тобою!

Я ламповый свет излучаю.
Не хладен: душа нараспашку!
Приходишь ко мне ночами.
О, таинство встреч этих наших!

О, кушаний предвкушенье!
Вкус перекусов (нежирных).
В электрошнуре – напряжение,
фреон замирает в жилах!

А ты обожаешь суши
и любишь ореховый тортик.
Вот эту пироженку скушай,
оно тебя не испортит.

И ну её нафиг, диету!
Не можем мы друг без друга.
Теперь как насчет котлетки?
Набит я едою туго.

Я славно снимаю стрессы,
тоску утоляю, жажду.
Забудь про фигуру принцессы
и взгляды мужские на пляже.

Забудь про калории – ересь!
Гламуристость дев утонченных...
Главное – чтобы елось
и чтобы пилось увлечённо.

Свидание длилось секунды:
салатик взяла и исчезла.
Я снова ждать тебя буду,
чтоб вновь распахнуться чудесно.

Еда – это в чём-то искусство.
Еда – это в чём-то лекарство.
Пусть будет негрустно и вкусно,
пусть будет разнообразно.

Ко мне ты вернёшься ночью.
Я буду исправен, обилен.
Я злых не люблю и тощих...
Навеки твой, холодильник.

В РАМКАХ

Внести рациональность в мирозданье
и систематизировать мировоззрение –
задача ох нелегкая такая.

Поможет мне словес хитросплетенье.

И вот с утра терзают непонятки,
ведь в области здоровья мы уж хрупки.
Что пили мы вчера в порядке пьянки?
Чем зажирали в качестве закуски?

Весна бушует майскими жуками,
головокружит ароматом жутко.
В разрезе, в соответствии и в плане
идет девчонка, вся такая, в рамках юбки.

И в целях от трудов отдохновенья
мы – на природу. В силу непривычки
вдыхаем кислород мы в сфере пенья
и в деле костерка подносим спичку.

Что б ни случилось с нами в ходе жизни,
хоть были пешкой, шашкой или дамкой,
но по итогам мало оптимизма:
и фотки, и картинки – в рамках, в рамках.

Но в части помечтать, и в силу мысли,
а может, в целях самооправдания
не хочешь прозябать согласно списку,
проспать охота, плюнуть в расписание,

направить в адрес тех, кто неприятен
посланье на основе и в разрезе
по линии трех букв (и путь понятен),
и в части воспитанья – тех, кто бесит.

И вообще об этом нефиг спорить,
ведь будет все похабно иль хвалебно.
Так хорошо купаться в рамках моря!
Дышать легко, свободно в рамках неба!

ЧИСТЫЙ ЛИСТ

Ты не боишься ровной белизны?
Мощь пустоты сильнее иль новизны?
И кажется, что несуразен штрих,
стиль кособок, да и бездарен стих,
фальшива нота и крива доска.
Как доказать, что есть, чего сказать?
И голос внутренний канючит: в чем корысть?
Не можешь, не уверен – не берись.
И может быть, в итоге будешь прав,
оставив все как есть, не запятнав.
Лиха беда начало, комом блин.
С листом слепяще-белым ты один.
Но капля первая предвосхищает дождь.
Волна шумит, – несет приборя мощь.
В начале будет слово. Будет два.
Сплетутся в текст, рожденные едва.
Да, неуверенно, неловко, неспеша,
но он случится – самый первый шаг.
Пока он точка, тих он до поры:
взрыв творчества,

большой,
вселенский взрыв!
...Но может быть, в итоге будешь прав,
оставив все как есть.
Не запятнав.

ДВЕ СТРОЧКИ

Читаю автора. Он много натворил.
Но душу зацепили лишь две строчки.
Зато каких! И эти строчки точно
сверкнули, и звучат, как тихий гимн.

Клюю на них, как рыба на блесну.
Ай, молодец! В зубу дыханье спёрло.
И сочинять, и рифмоплетить – стоило,
как стоило в морозы ждать весну.

Стихи забылись, – с белых яблонь дым.
Но это ж – блеск, не знаю почему:
«Люби и верь, и радуйся тому,
что можешь выбирать, где быть босым».

ЖАБРЫ

Снег – небесная мука,
а из снега – облака.
Пышные и дождевые,
высшие и дрожжевые.
Да на солнечном желтке,
да на лунном молоке!
Мир сей новоиспеченный,
внутрипечье – чёрное.
Аппетит у едоков
ух, по осени каков!
Тучи тут мочёные, птицами перчёные.
Сыплет звёздная корица...
Сон приснится, явь приснится.
Полудожье, полуснежье.
Небо и земля. Ты – между.
Дождь и снег – одно и то же.
Тут ноябрь с гусиной кожей
дышит холодно ветрами,
облаками кулинарит.
Съешь их – и простудишься,

и в ознобе будешь ты.
Чтоб тебя вдруг не достал он,
ты нырни под одеяло,
не болтайся «между»,
окунись, не мешкай,
в теплый океан творенья,
плавай там до посиненья.
Будь собой, как рыба, будь,
сочини про дождь и муть,
пометафори слегка:
дескать, сдобны облака.
Шевели там жанрами,
жанрами, как жабрами!

***

Закат стекал за горизонт.
Как по стеклу, стекал кровисто
к холмам растрепанно-лесистым,
к земле – с высот.

Он таял, он тускнел, светя,
не оставляя нам ни шанса
перед финалом надышаться.
Цвета: октябрь.

Тут проводы в последний путь
спокойно тонущего солнца.
Его б, как свечку, без эмоций
задуть.

Затем заснуть. Сон наугад.
И зарево оставит сажу.
Как ни смотри – не взглянешь дважды
в один закат.

Эй, молчаливый пейзажист,
так что же ты хотел, приятель?
Наш день у вечности отнять ли?
Скажи?

И кончик кисти, хоть пушист,
вонзается, как наконечник,
лишив поэта дара речи
и смысла жить.

Заставил распахнуть глаза,
смотреть так жадно, не мигая.
Картина мира догорает.
Каков закат!

ПАМЯТНИК ПЛАСТОВУ

Бульвар одноименный свеж на вид.
Тут краски листьев – желтых, красных, рыжих.
Аркадий Александрович стоит,
не дышит: скован, обездвижен.
И будто сам позирует кому:
трамваям, птицам, ветру и прохожим.
Что видно живописцу? Только тьму
иль нечто послесмертное, быть может?
В одной руке – палитра. А в другой
не кисть, а пустота. Смирись, художник.
Да, без нее стократ грустней порой,
чем от гвоздик, возложенных к подножью.

«Кто кисть мою похитил – простоват:
мечтает стать, возможно, Рафаэлем.
Мол, в ней, и вдохновенье, и талант,
как вирус гриппа в слякотном апреле.
Я бронзой чувствую: на городских домах
драхлеют краски (быстрых лет влиянье),

и осыпаются они. И снова в прах –
слои эпох, времен напластованье.
Забронзовел... Аж ноги затекли!
Не снизойти, не спрыгнуть с камня лихо...
Скажите, всё летают журавли?
Как ты теперь, родная Прислониха?
Струится ли парное молоко,
коса звенит ли в ароматных травах?
И так же жмурится на свет соседский кот,
по мышеловству чемпион по праву?
И так же ли в унылый летний зной
колхозницы купаются игриво,
а ночью незаметный домовый
кобылушке расчесывает гриву?
А трактористам принесли обед,
труд земледельца до сих пор в почете?
В лесу груздей в избытке или нет?
Уренка речка как там, все течет ли?
Как я хотел бы наш рассвет стеречь,
он костерком бы занимался в поле.
А вечером устало влезть на печь...
И в праздники – гульба и хлебосолье.

Я небом бы опять вздохнул дышал,
топил бы баньку и чинил бы крышу.
Водил своею кистью б не спеша.
А я – не чувствую, не слышу и не вижу.
Увековечен я. Тоска, тоска.
Не вздрогнуть и не почесать в затылке.
Мольберт бы по пригоркам потаскать,
изобразить сельчанку Аню с крынкой.
Те образы во мне – как образа.
Я помню: дирижировал пейзажем,
как он звучал на полотне – не рассказать!
И каждый штрих, и каждый взмах был важен.
В глазах картина иножития,
она – не сон, а значит – не проснуться.
И если дождь – не скрыться от дождя,
и если снег – никак не отряхнуться.
Была б возможность – прожил бы на бис.
От жизни той, признаюсь, не устал я.
Верните, люди, бога ради, кисть!
И просто отпустите с пьедестала!»

ИСПАНКА

Реки болельщиков – полнятся улицы,
важно мерцает большой монитор.
Праздник футбола, трибуны беснуются,
пение, грохот, восторг.
И стадион уже – полная чаша.
Гимны торжественны, прямо до неба.
Каждый болеет «за наших», а как же.
Красные – справа, желтые – слева.
Тут никаких компромиссов и лепета:
радость вселенская или позор.
Смелые, сильные, словно бессмертные...
Испания и, например, Эквадор.
Ярко, захлеб, – не футбол, а коррида.
Маркос Льоренте, Дани Карвахаль...
Что за шедевр нападающий выдал!
Сердце красотики завоевал!
Кто та раскосая девушка в красном?
Плачет, смеется, надрывно кричит.
Страстная, милая, не напрасно ли
в сердце, как в сетку, влетают мячи?
Как же зовут ее? Может, Лусия?

Может, в Бильбао она фармацевт...
Как для испанцев победы просила!
Жаркой молитвой, слезой на лице.
Да неужели все понарошку?
Телекартинка, шоу, театр?
Отмундиалив, останется в прошлом,
словно пустынный мираж, Катар.
За «Барселону», «Реал» и «Севилью»
черных волос играет волна.
Им же не ноги враги прострелили...
Что же в терзаннях она?
Бой – не всамделишный, боль – терпима,
не инквизитор судья.
Кубок, медальки – так себе стимул,
за промах в тюрьме не сидят.
Форвардов ждут не девицы ль из бара
не гонораров дождь,
а приговор и судьба Эскобара,
без вести пропасть ждет?
Удар – по мячу ведь, а взрывы – эмоций.
Мягкая травка, свисток.
Поела пазлы (большая порция),
сангрии дивной глоток.
Какими бывают разными слезы,

слова «забивать» и «болеть».
Выключи телек, уже так поздно.
Забудь про «Оле-оле!».
Как-то неловко и как-то странно
думать о той сеньорите юной.
Я заразился, болею испанкой,
что плакала на трибуне...

***

Небо жженое, не голубое.
Вот поспела в поле пшеница.
И колосья шепчут такое,
что и в страшном сне не приснится.

Август греет щедро, задумчиво,
муравьи по тропинке бегают.
Но не будет печенья и булочек,
потому что убрать хлеб некому.

И согнулись колосья – больно им,
позабыты и огорошены.
Гром ли слышится, блещут ли молнии?
Ну а тучи где? Быть так может ли?

Где горилка с борщом в станицах?
Что тут выросло украинно?
Притаились, лежат в пшенице
и гостей поджидают – мины.

Урожай-то не тот, что прежде.
Нет горилки – есть смрад и слезы.
Не заря поутру забрезжит –
минометы взвоют стервозно.

Замесили славянам горе,
влили злобу, глупость и муку.
Может, в вашем данайском горле
встанет комом такая булка.

Было вот же – веночки с лентами,
песни дивные, речи милые.
То не сон ли был? Видишь – нету их.
Небо жженое. Поле – минное.

ГАДЮКА

В синеве всенебесной ракета прошла подушку:
пух да перья везде, пух да перья. Они – облака.
От голодных клещей – хищных коптеров – хуже и хуже.
Кто-то молится, кто матерится, – кто как.

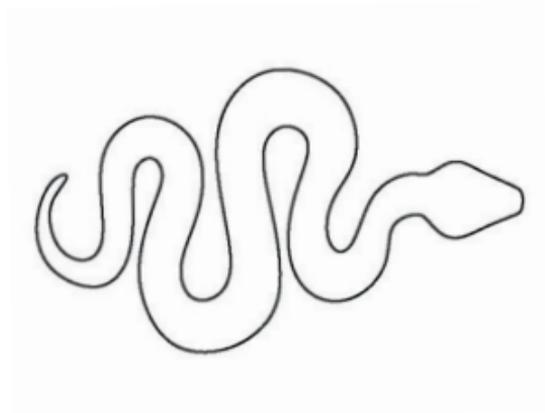
Среди этого свиста и грохота, стонов и жути,
безрассудства, отчаянья, бешеной жажды пожить
я стараюсь не двигаться... А, будь что будет!
Моя цель – ошалело-окопная серая мышь.

Расплодилось их тьмы, грызуны, как прислужники ада.
Неужели им сытно, уютно, тепло, хорошо?
Неужели привыкли, что «Град», «Ураган» и «Торнадо»
им как будто гроза, – не угроза, как ветер: шумел и
прошел.

Сквозь испуг всё равно я постичь не могу, как же так-то?
Чуть шуршу, не плююсь я словами, в прицел не смотрю,
пленным пальцы не режу, не знаю о вражеских танках,
не минирую землю и не марширую в строю.

Как утихнут разрывы и людокос, я спрошу-ка
удивленно шипя, как шепча (мне все это не по нутру!):
это я-то змея? Это я-то – змеюка-гадюка?
Это я – существо смертоносное с ядом во рту?!

А не здесь, там у вас, далеко, где экранчик немаркий,
где танцуют. Где шарики в небе. ТВ верещит...
Вы и правда уверены, прогуливаясь по парку,
что безмерно опасны и люты лесные клещи?

III.

Рецепты напитков хмельных

*О память, память, – дар счастливой!
Ты гонишь прочь былого мрак!
Еще с тобой я помню, как
Инбирное варится пиво.*

Николай Языков

ПИВО СВЕТОЕ

Когда в организме нет пива,
без пива в нем нет позитива.
Брести в магазинчик уныло?
Неинтересно, постыло.
Мой друг, наберись ты терпенья,
предайся пивоварению.
И через месяц, счастливый, ты
свое выпьешь пенно-игривое!

Рецепт не особо сложен,
его воплотить – возможно.
Итак, будет легкое, светлое,
ячменное, словно лето.
Пиво сварить – это да!
Главное в пиве – вода.
Мягонькая, природная
или хотя б отфильтрованная.
И льем её, литров двадцать,
в кастрюлю большую, братцы.
И чтоб не прилипло зерно
ко дну – установим фальшдно.

Засыплем ячменного солоду.
А солод готовь ты смолоду:
чтоб с мельницей не морочиться,
купи хоть дробленный, чего уж там.
И всыпь ты в кастрюлю его,
по первое всыпь число.
Не сразу, а только тогда,
как потеплеет вода.
Градусов пятьдесят.
Раньше – никак нельзя!
Теперь соблюдай режим:
температуру держи
такую двадцать минут.
Помешивай – вот весь труд.
Затем огоньку прибавь
и где-то на час оставь.
Надо в течение часа
шестьдесят пять бы градусов.
Не расставайся с ложкой,
седи, чтобы не было комышков!
И вновь – на термометр взор:
семьдесят два – и всё.
Так повари полчаса...

Зато свое пиво! Сам!
78 градусов –
пятиминутная пауза.
Но тут-то вдруг и выясняется,
что всё только начинается.
В кастрюлине нашей густо.
Дробину отделим от сула.
На вкус она будет сладкая.
Ну, сладкая? – Все в порядке.
Зерно оставляем курам
и – к очередным процедурам.
Теперь кипятим наше пиво
часа полтора бурливо.

Добавим в разное время
две пригоршни доброго хмеля:
для горечи, для аромата.
Как пахнет тот хмель, ребята!
Но, как пивовары учили,
нужна нам приблуда – чиллер
для быстрого охлаждения,
иначе не будет везенья
и пиво прокиснет бесславно.

А нам оно надо? Не надо.
До комнатной температуры
Остыло?.. Ну что ты понурый?
Продезинфицируй на совесть
бродильную чистую емкость,
а после заполни сушлом.
Пиво – не спорт. Искусство!
И позаботься заранее,
чтоб в емкости снизу был краник.
И дрожжи добавь пивные
и никакие иные!
Бойся бактерий-микробов,
испортят процесс, чего доброго!
Под герметичную крышку –
в прохладное место (не слишком),
под гидрозатвор. Десять дней.
Пусть бродит... Не гоним коней.
Что ж про магазин ты опять?
Настала пора разливать.
Но не по бокалам, – в бутылки,
стерильные, тёмные, мытые.
На дно их по чайной ложке
глюкозы иль меда немножко.

Это для карбонизации:
для пены, шипенья, газации.
И расшугай всех микробов:
ты спиртом побрызгай в воздух.
Разлей же в бутылки, закупорь...
Но – рано еще вовнутрь!
Еще две недели томятся
и зреют до дегустации.
И только потом, приятель,
нам следует открывать их.
Прохладное, пенно-шипящее,
хмельное и освежающее,
в прозрачном фигурном бокале,
под рыбку, икорку, салями...
Как праздник он – первый глоток.
Пива прилив и поток...

А ты – «в магазин, магазин...»
Мы сами сообразим!
Да, хлопотно, видит Господь...
Давай уже солод молоть!

САМОГОН ПШЕНИЧНО-САХАРНЫЙ

Рецепт напитка прост,
доступен, благотворен.
Всему причина – рост
и дух пшеничных зерен.

Что делать? Как же гнать?
Извечные вопросы.
Спешу вам рассказать.
Что гениально – просто.

Вперед. И никаких дрожжей.
Вот лозунг этим летом.
Себе мы сэкономим бюджет.
И – качество при этом.

Берем примерно килограмм
отборнейшей пшеницы
и мыть ее несем под кран
холодную водицей.

Иной подход вполне хорош.
Рецепт – не догма, ибо
пшеницу заменить на рожь,
ячмень, – невозбранимо.

И мы заторника на дно
кладем уж чистое зерно.
Воды... Пусть пять стаканов,
и сахар – двести граммов.

Все это – для закваски.
Неделя без движенья.
Есть пузырьки? Прекрасно.
Затеялось брожение.

И три кило пшеницы
добавим. И, конечно,
не надо суетиться,
враг винокура – спешка.

Пять кило сахар засыпь.
Воды же литров двадцать.

Перемешать. Заставить
закваску разыграться.

Но проследить, чтоб крышка
неплотно закрывалась,
чтоб газики все вышли,
а спиртики остались.

На вкус оценим бражку.
Еще сладка? Пусть бродит.
И дрожжи пусть там даже
хоть хороводы водят.

Горька? – На перегонку.
Здесь по-простому надо.
Пока что не готово.
Сырец не пейте: гадость.

Затем водой добротной
мы раза в два разбавим.
И гоним вновь, повторно,
и дробно, чтоб по каплям.

Первач – в стакан отдельный:
он ядовит и крепок.
Годится он отменно
на розжиг дров и веток.

Первач тот уберите.
И каплю дистиллята
в ладонях разотрите.
Коль пахнет он приятно,

плитой вы жар прибавьте,
чтоб не по каплям – струйно,
и сей поток направьте
вы в баночку иную.

Не гоним – тихо едем.
Следим не отходя.
Несчастные соседи,
счастливые друзья.

Как сэм польется слабый,
пониже сорока,

«хвосты» – отдельно надо б,
их – в сторону пока.

Теперь возьмем «серёдку»
(ну та, что до «хвостов»),
и разведем, как водку,
наш дистиллят – готов.

Прозрачный, вкусный, питкий
и солоден чуть-чуть.
Так, разольем в бутылки,
оставим «отдохнуть».

Семь дней храните, вот как.
Теперь к столу! Почёт
гостям, и струйкой тонкой,
желанно, нежно, звонко,
роса, – не самогонка, –
уж в рюмочки течет...

АБСЕНТ

Когда от розовых очков уж толку нет
и взгляд унылый, мутный, черно-белый,
пусть не художник ты и не поэт,
есть эликсир мистический – абсент.
В нем мир нездешний и зеленофейный.
Его Пикассо и Ван Гог (Винсент),
Оскар Уальд и Клод Моне любили.
Я расскажу, как сотворить абсент,
чтобы своё чего-то сотворил ты.
Начнём же вот с чего: дождемся лета.
И пусть зазеленеет всё вокруг.
Писателя, художника, поэта
в поля, в леса, в луга потянет вдруг.
За птичьей волей, солнцем и букетом
цветов и трав. Но сделаем акцент
мы на полыни горькой, на абсент.
Уже надергал ты пахучей той травы?
Подсушим и оставим до поры.
Притормозим текучесть бытия,
не будем больше времени терять.

Приступим, хоть ответственность большая,
с полынью самогонный спирт смешаем.
Сидим теперь и скучно пишем прозу.
Но чуда ждем, как Дедушку Мороза!
И где-то месяц жизни вот такой.
Затем продистиллируем настой.
Какой при этом будет яркий запах!
Полынно-сумасшедший, просто ахнешь!
Абсент в итоге будет очень крепок.
Добавим мяту, кориандр, анис.
Настаиваем. Сколько? Да все лето!
А осенью к напитку ты вернись.
Когда уныние с дождем залистопадят,
лишь зазудят перо, струна и кисть,
неторопливо, вдохновенья ради
к напитку-изумруду приобщишься.
И лишь когда туённо-потаенно
полынный пламень сердце обожжет,
ты станешь вновь влюбленным, оживленным.
Ну хорошо же? Правда, хорошо...
Смешай дождя сырые акварели,
рисуи закат, воображай полет.

Клубок земного шара не потеряю,
он закатился под диван и ждет.
Луну судьбы подкидывай монетно,
побудь прорабом замка из песка.
Все мимолетно, словно облака.
Все очень зыбко на экране неба.
Колдует фея, сон ли это? Явь?..
И шепчет, соблазняет ненароком...
Забыл сказать: так ты абсент разбавь,
разбавь, дружище, цитрусовым соком.

НАСТОЙ-КА!

Прозрачный спирт – он так себе услада.
Он, как слеза, но слез порой боюсь.
Здесь нам импровизаций больше надо!
И хватит слезы пробовать на вкус.
Настоек ягодных, фруктовых и изюмных
пусть множится бутылочная рать!
Попробуй свой рецепт уже придумать,
затеять, воплотить, презентовать.
Так развлекалось русское дворянство:
настоек и наливок алфавит.
Анисовая – А (какое пьянство?!)
до Яблочной, извольте, се ля ви.
Рождая истину, порой ломаем копыя,
знамена мнений с гордостью несем.
И откипев, и по рюмашке хлопнув,
мы миримся, оставшись при своем.
Вы скажете: теперь давай примеры!
Пожалуйста. В хороший самогон
добавьте сухофрукты, мед и перец.
Во тьме хранится две недели он.

Затем фильтруется. Потом – на стол, с закуской.
Сравнить с водярой – небо и земля...
Мы можем рьяно спорить хоть о вкусах,
но на своем настаиваю я!

ВИСКИ

Шотландия, – красавцы, без вопросов.
Мужчины в килтах, звук волынки, виски.
Добраться до нее, увы, непросто.
Но как без виски? Это ж как без визы.

Янтарно-смолянистый цвет в бокале,
там аромат, и вкус, и послевкусье...
На совесть сделали или наколдовали?
То магия? Религия? Искусство?

А светлый солод – это ли не золото?
Мешки полны, ячмень, как пчелы в улье.
А что, не замахнуться ль, нам, ребята,
на Маккалан, Лафройг и Лагавулин?

Не боги зажигают аква виту.
Бродильный чан возводят не титаны.
Загадка Стоунхенджа не раскрыта –
вискарь – не алхимическая тайна.

Так, затираем солод мы с водою.
Температура 67, ну так, плюс-минус.
И держим ее три часа такую,
пока не станет сладкой. С плитки снимем,
затем мы отделим зерно от сусла.
(Вискарь и пиво схожи по природе)
То магия? Религия? Искусство?
Остыло? Дрожжи – в емкость. Пусть побродит.

Недели через две – на перегонку.
Как дистиллировать – нам Интернет расскажет.
Процесс ответственный, он с медью, важный,
тонкий.
Зальем в бочонок – это сможет каждый.

Напиток сформируют дуб и время,
Томим он в древесине драгоценно.
Огонь, вода, ячмень – в едином целом.
И виски состоится! Непременно!

ВИШНЕВКА

Эх, не до вишни. Некогда собрать.
Она дичает, будучи бесхозна.
По-чеховски об этом тосковать
и поминать уже неюный возраст?

Пока не слышно звуков топора,
и пьесу занавес пока не зафиналил.
На то она и летняя пора,
чтоб ягоды зазря не пропадали.

Созвездья вишни, – дотянись рукой,
в них сок и жизнь текут эритроцитно.
Их сохранить способны мы с тобой:
варенье, иль компот, иль штрудель сытный.

Сегодня, впрочем, о настойке речь.
Ради нее уйдем мы в сад на время.
Она позволит вишню убересть
от бестолкового забвенья.

Ее помоем. Хвостики – долой.
Пол трехлитровой банки засыпаем.
И сахарку сто граммов. План простой.
Плюс самогонка добрая любая.

Сюда же можно перец, кардамон,
имбирь, корицу, корку апельсина.
Стоит пусть месяц, около того,
и встряхивайте банку, но несильно.

Затем напиток надо процедить,
оставив лишь рубиновую влагу.
И все, готово, наливать и пить
ее уж можно... Что там «можно»! – Надо!

Слова вразброс и мысли невпопад
в сопровожденье фруктов и орехов.
Пусть шелестит вокруг вишневый сад
и тост: «И да пребудет с нами Чехов!»

СЛИВОВИЦА

Сидишь, спокойный и счастливый.
Вокруг произрастают сливы.
Они на солнышке созрели,
в них спелый сок, какая прелесть.

Хорваты, венгры и болгары
сливовицу творят не даром.
Пусть ты не серб, пусть ты не молод,
не чех ни разу – что ж такого.

Слив наберем мы пару ведер.
Перетолчем. Водички. Сбродим.
И если плод тут каждый сладок,
дрожжей и сахара не надо.

Как пролетят брожения дни –
ты процеди, и все, – гони.
Продукт дели системно ты
на «тело», «головы», «хвосты».

Инструкцию блюда ты строго
по перегону браг фруктовых.
Настанет день, настанет миг —
сливовицы забьет родник.

Балканский, чешский колорит
теперь по стопочкам разлит.
Жаль, здесь не Прага, не Белград,
а за окном то дождь, то град.

Сливовицу мы непременно
закусим вепревым коленом
и что-нибудь по-чешски скажем:
ахой, на здрави, ежин с бажин!

МЕДОВУХА

Возможно, в нас отнюдь не кровь течет,
а память предков, встроенная в мед.
Настой целебных сил, природный дар.
Мед как лекарство, питание, нектар.
Что из того, что ты не пчеловод,
не водишь пчел жужжащий хоровод,
не достаешь картины-рамки сот
не смотришь, где там матка и расплод.
Пусть дымарем священно не кадишь
и за цветеньем мира не следишь,
в костюме, как космонавт, не облачен...
Вот не хватало пасеки еще!
И не коловращаешь медогонку,
не льется мед струей янтарно-звонкой...
Сегодня мы, друзья, собравшись с духом,
как приготовить чудо – медовуху –
поведаем, расскажем – прочь печали! –
рецепт старинный, древний, изначальный.
И сразу настоятельный совет:
варить ее не стоит. Нет и нет!

Мед очень вредно нагревать, – не надо.
Тогда уже не медовуха – брага.
Мы сохраним всю ценность, запах, вкус.
Пить мед – удел красноречивых уст.
Ну что ж, приступим. Мед берем приличный,
с хорошей смешиваем мы его водичкой.
Мед лучше забрусный, с пчелиною печаткой,
перги добавим, все должно быть сладким,
не приторным. Хмельных немного шишек.
И будет мед живой. Его – под крышку.
И на брожение, где темно, прохладно.
Гидрозатвор не забываем, ладно?
А то бывали случаи такие:
взорвется, разольется по квартире.
Но задают вопрос важнейший люди:
а пить когда? Когда готово будет?
Ну что вы все какие торопыги!
Возьмите толстые, увесистые книги,
«Войну и мир» прочтёте вы Толстого –
и медовуха, стало быть, готова.
Ну хорошо, тогда скажу конкретно:

полгода (пролетает незаметно)!
Напиток через марлю пропускаем
и далее в бутылки разливаем.
Пусть постоит, терпением терзая...
Что, истомились? Я вас понимаю.
Но вот он и настал, медовый праздник!
Играет, как шампанское. Прекрасны
кислинка, сладость, мед и легкий градус.
Вкушая вкусих... Нет, мы выпьем в радость.
Так быть добру, здоровью, миру, дружбе!
Пора, пора! Давайте сдвинем кружки.
Да не иссякнет! Да не оскудеют
дела полезные, минуточки безделья
и сотовая связь медовых смыслов,
гармония воды и капли-брызги...
О чем бишь я... О пчелах, не о мухах...
Как жизнь сама, коварна медовуха!
Сознание, казалось бы, крылато...
Но встать не получается, ребята!

ЧАЧА

Такова, друзья, задача:
затеваем, значит, чачу.
Винограда нафигачим,
что созрел у нас на даче.
Сочный, сладкий – передавим.
И воды слегка добавим.
Если кисло – сахарок.
Пусть побродит с месяцок.
А потом – на аппарат.
Звонкой струйкой дистиллят!
После – кто во что горазд:
граппа будет ли у вас,
водка ль виноградная,
бренди ароматное.
Если ты совсем маньяк –
заморочься на коньяк.
Есть бочоночек древесный?
В нем напиток интересней.

Ожидай и не спеши.
Виноград – он для души.
А когда настанет время,
будет сей нектар отменным
с ароматом выраженным,
благородным, выдержанным.
Дегустируй... Как же так?
Вроде ясно: он – коньяк.
Ну а виски – тоже он.
В чем грамматики закон?
Бренди – то уж средний род.
Кто такую дичь поймет?
Мысль спокойна и свободна,
виноградна, самогонна.
Под закуску ль, натошак,
молча или чтоб вещать...
Окрыляйся, вдохновляйся,
винным музам доверяйся!
Бойся лишь борца за трезвость,
болтуна, вруна и беса:
пустит, глазом не моргнешь,

всю лозу твою под нож.
А потом, загубит, гад,
он не только виноград.
Но алкаш – он тоже страшен,
пусть не с нами он алкашит.
Так уж было... Это значит,
буду чачей озадачен.
Крепкой, доброй, терпкой чачей.
Будет так, и не иначе!

СИДР

Представим стадо сидоровых коз.
Какое молоко у них? Вопрос.
Давали б они сразу кальвадос...
А будет с молока такого сыр?
Ведь в сидоровых козах – только сидр.
Но мы из яблок вытворим. Рецепт:
сок отжимаем, делаем пюре.
Пусть бродит под затвором, как вино.

На вкус и цвет – ну самое оно!
А что до сидоровых коз – у них и так
жизнь – униженье, несвобода, мрак.
И радость лишь одна – найти козла.
Такой козе любовь и та ведь – зла.
Козел же не простой, а отпущенья...
Пускай пасутся тихо и ничейно.
А Сидор, пьющий сидр, – пастух суровый,
что молоко ему и что коровы?

ВИНО

(вместо рецепта)

Ты кисть последнюю сорви и брось в корзину.
Такой нам дар принес осенний сад.
То будет жизни сочный концентрат:
подавленный, со всхлипом, виноград.
Здесь гроздьев грусть.
Попробуй год на вкус.
А помнишь, как он рос и цвел, как куст?
Ты скажешь: о, мой год, – неповторимый,
ушедший навсегда.
Как изабелла изобиловала, балуя!
Лоза дрожит от холода, усталая.
Был зелен, гибок. Глянь – уж вял и дрябл.
Был виноград. Стал виноматерьял.
Итог сезона: спелый урожай.
Он истолчен уже, спрессован, сжат.
Со временем дозреет он в бутылках
во тьме, без суеты, в прохладе, в тишине.
Мы выпьем дни до дна. Что там, на дне?...
Был виноград. И мы с тобою – были.

Да, все течет. Течет – и утекает.
Слеза вина по хрусталою слезает.
Рубиново. Играя. Терпко. Вкусно.
Вино, как речь, оно бытует устно...
И память первым оживишь глотком
и ощутишь на языке потом,
что было, где-то там, в году таком-то,
ушедшем навсегда...

ДОЛЯ АНГЕЛОВ

Когда изрядно мозг поклеван,
из тела выпиты все соки,
на выручку приходит снова
бочоночек древеснобокий.

Лучи заката – цвет вискарный.
Шумел листвою дуб кавказский.
Но древо не пропало даром:
спасибо, бондарь, добрый мастер.

Прекрасен формой, содержимым,
как поросеночек, упитан.
Такой вот образ – образ жизни:
усовершенствовать напиток.

И в нём – живительное благо.
Кто против – тем компот с кефиром.
Нальём-ка по чуть-чуть и надо
подрезать мяска, хлебца, сыра.

Его задача бесподобна:
за дни, шальные, словно брызги,
создать из просто самогона
янтарный, ароматный виски.

Дай бог нам выдержки, коллеги,
такой, как у сего бочонка.
Мы зачерствели в канителях,
мы высохли в головоломках.

На вкус и цвет найдем согласие,
слова, созревше-непустые.

Ведь, несмотря на все напасти,
нам этот мир не опостылел.

Ведь по ночам совсем неслышно
снисходят ангелы из рая
и осторожно, словно мыши,
чуть из бочонка отпивают.

Они-то знают толк в нектаре
и в легком головокруженье.
И прошлой ночью прилетали:
остался бриз крылодвижений.

Мала их доля, не объемна,
их посещение понятно.
Впорхнут – и угостятся скромно,
они – хорошие ребята.

Беспечны, в облаках витают.
И знать, пока ещё не вечер.
Но как бы тонко намекают:
мы рядом тут, мы недалече.

Ну да, мы все немного грешны,
когда касаемся спиртного.
И, тем не менее, конечно,
оставим ангелам немного.

Друзья оценят мой напиток.
Он, как родник животворящий.
Не надо игр – ни в бутылку,
и ни в рулетку, и ни в ящик.

Вам не за руль ведь, торопыги.
Вас ждёт стекло фужеров звонких.
Оставьте книги и мотыги,
и – милости прошу – к бочонку!

СОДЕРЖИМОЕ

I. Насекомые стихи, зоостроки, растительные вирши.....	7
II. Пять минут до откровения.....	43
III. Рецепты напитков хмельных.....	108

Литературно-художественное издание

Цухлов Андрей Юрьевич

БОЧОНОК РАЗНОТРАВЬЯ

Верстка: *Е.В. Нувитов*

При оформлении книги использовались иллюстрации,
взятые из открытых источников сети Интернет

Издатель

Качалин Александр Васильевич
432042, Ульяновск, ул. Рябикова, 4.

Подписано в печать 25.11.2024.

Формат заказной 145х190 мм. Бумага офсетная.

Печать ризографическая.

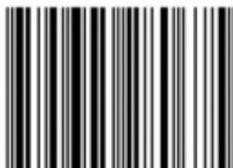
Гарнитура Times New Roman.

Усл.печ.л. 7,24. Заказ №24/073

Тираж 150 экз.

Отпечатано в издательско-полиграфическом
центре «Гарт» ИП «Качалин» А.В.
432042, г. Ульяновск, ул. Рябикова, 4.

ISBN 978-5-6052806-7-5

9 785605 280675 >

